

Ученіе Декарта о прирожденныхъ идеяхъ.

Мы сдѣлали попытку дать по возможности полное обзорѣніе, по Декарту, прирожденнаго знанія. На основаніи этого обзорѣнія читатель можетъ подумать, что ученіе Декарта опредѣленно указываетъ объемъ и границы прирожденнаго знанія или по крайней мѣрѣ дастъ точныя основанія для ихъ опредѣленія. Такое предположеніе не будетъ близко къ истинѣ, и потому мы должны его предупредить. Мы должны оговориться, что ученіе Декарта о границахъ прирожденнаго знанія не только не отличается большою опредѣленностью, но прямо оставляетъ мѣсто крупнымъ недоразумѣніямъ и даже не чуждо противорѣчій. Этой стороны ученія Декарта мы должны теперь коснуться.

Прежде всего остановимъ свое вниманіе на томъ, что на ряду съ различіемъ между прирожденнымъ и неприрожденнымъ знаніемъ Декартъ устанавливаетъ еще различіе между двумя способами познанія, которыми являются, съ одной стороны, познаніе чувствъ и воображенія (*imaginatio*), мышленіе посредствомъ образовъ, съ другой, — чистое мышленіе (*mens*) познаніе разума (*intellectus*) или мысленное. духовное воззрѣніе (*solius mentis inspectio*)¹⁾. Только послѣдній способъ даетъ намъ надежное и истинное знаніе²⁾; только ему доступна сущность вещи, ея внутренняя неизмѣнная сторона, въ противоположность ея текущимъ явленіямъ, подлежащимъ чувствепному познанію. Для того, чтобы уяснить, какъ Декартъ понималъ роль разума или чистаго мышленія въ познаніи, обратимся еще разъ къ его примѣру о воскѣ. Мы видѣли, что чувственныя качества

¹⁾ Med. 2. Opp. pp. 11—13. Послѣдній способъ познанія отличаетъ чело-
вѣка отъ животныхъ. De metodo, V, — въ концѣ.

²⁾ Dissertatio de Metodo IV.

воска въ твердомъ состояніи—исчезли и уступили свое мѣсто другимъ, когда онъ былъ растопленъ. — „Остался ли это однако тотъ же самый воскъ? — спрашиваетъ Декартъ. — Остался,—это должно признать. Что-жъ такое было въ немъ, что такъ опредѣленно въ немъ воспринято? — Конечно, ничто изъ того, что было достигнуто чувствами; ибо все, что подлежало вкусу, обонянію, зрѣнію, осязанію, или слуху, измѣнилось; только воскъ остался“. Этотъ воскъ, очевидно, не есть ни одно изъ тѣхъ свойствъ, которыя мы восприняли посредствомъ чувствъ; онъ есть тѣло, которому эти качества принадлежатъ, которое является то съ одними, то съ другими свойствами. Но что же это за тѣло? „Удалимъ, говоритъ Декартъ, все, что не принадлежитъ воску, и посмотримъ, что остается. Это не что иное, какъ нѣчто протяженное, эластичное и измѣнчивое“. Но что такое—эластичное и измѣнчивое, какъ не то, что способно принимать безчисленныя формы, которыхъ всѣхъ нѣтъ возможности представить въ воображеніи. Слѣдовательно, понятіе объ этомъ свойствѣ не дается намъ способностью представленія или воображенія. Точно то же нужно сказать о протяженіи, которое подлежитъ такимъ же безчисленнымъ измѣненіямъ, смотря по состоянію воска.— „Я долженъ, слѣдовательно, признать, заключаетъ Декартъ, что я не могу представить въ воображеніи, что такое этотъ воскъ, но воспринимаю это одною только мыслью. Я говорю объ этомъ воскѣ въ отдѣльности, потому что о воскѣ вообще это еще яснѣе ¹⁾“.

Спрашивается теперь, въ какомъ отношеніи эта способность стоитъ къ прирожденнымъ идеямъ. Мы видимъ такую способность, противоположную чувственному познанію, еще у Платона: у него она является способностью созерцанія идей. Не служитъ ли и у Декарта разумъ способностью, или органомъ, прирожденныхъ идей? Самъ Декартъ специально не останавливается на этомъ вопросѣ. Но изъ нѣкоторыхъ его замѣчаній нужно полагать, что это такъ. Такъ, напр., онъ говоритъ: „этотъ способъ мышленія (посредствомъ образовъ представленія) отличается отъ чистаго познанія (*a pura intellectione*) только тѣмъ, что душа при

1) *Med.* 2, p. 11.

познаніи послѣдняго рода обращается какъ бы къ самой себѣ и созерцаетъ какую-либо изъ идей, находящихся въ ней; если же она мыслить образами (*imaginatur*), то обращается къ тѣлу и усматриваетъ въ немъ нѣчто, соответствующее идеѣ, ею познанной или воспринятой посредствомъ чувствъ ¹⁾“. Отсюда довольно ясно, что разумъ у Декарта—органъ прирожденнаго знанія и, насколько позволяетъ заключать приведенная выдержка, *только* прирожденнаго знанія. Въ этомъ же вполне убѣждаетъ даваемая Декартомъ характеристика разсудочнаго знанія, которая совпадаетъ съ характеристикой знанія прирожденнаго.

Но съ другой стороны несомнѣнно, что разумъ же, по Декарту, есть способность всякаго отвлеченнаго знанія. Это видно изъ вышеприведеннаго примѣра съ воскомъ и изъ другихъ мѣстъ ²⁾. Такое пониманіе разума было единственнымъ, вполне сообразное съ традиціоннымъ смысломъ термина, перешедшаго въ схоластику отъ Платона и Аристотеля. Съ системою Платона такое пониманіе разума, какъ нельзя болѣе, согласовалось. Разумъ въ одно и то же время есть и органъ прирожденнаго знанія и органъ отвлеченнаго знанія, потому что объемъ того и другого рода знанія у Платона вполне совпадаютъ. Но ни откуда не видно, чтобы Декартъ былъ согласенъ въ этомъ съ Платономъ, чтобы онъ призывалъ прирожденнымъ всякое общее понятіе ³⁾. Едва-ли, напр., Декартъ считалъ прирожденнымъ понятіе о воскѣ. Такимъ образомъ, здѣсь мы встречаемся съ недоумѣніемъ, которое устранить тѣмъ труднѣе, что высшія отвлеченія, какъ понятія вещи, матеріи, порядка, числа и пр., Декартъ дѣйствительно признавалъ прирожденными, но не указалъ и едва ли могъ указать границу, на которой кончается прирожденное и начинается приобрѣтенное со-внѣ знаніе. Здѣсь единственный выходъ изъ затрудненія для Декарта могъ состоять въ указаніи на

¹⁾ Med. 6, p. 32.

²⁾ См., напр., *Princ. phil.* 58—59, гдѣ Декартъ говоритъ объ универсалияхъ.

³⁾ Правда, впоследствии Декартъ склонялся къ признанію врожденности всѣхъ общихъ понятій, но ни откуда не видно, чтобы таково было его первоначальное воззрѣніе; напротивъ, есть основанія думать, что это первоначально совсѣмъ не входило въ его планъ.

то, что отвлеченное знаніе есть результатъ коопераціи врожденнаго элемента, заключающагося въ разсудкѣ, и пришлого, даннаго чрезъ чувства, и вслѣдствіе этого обладаетъ свойствами прирожденнаго знанія, по скольку въ немъ есть прирожденный элементъ. Но если бы Декартъ вступилъ на такой путь къ устраненію разсматриваемаго затрудненія, т. е. еслибы онъ призналъ *все* отвлеченное знаніе отчасти прирожденнымъ, — тогда бы ему пришлось отказаться отъ всей своей теории врожденности или, по крайней мѣрѣ, сильно ее видоизмѣнить: признавъ все разсудочное знаніе отчасти прирожденнымъ, ему бы нужно было опять—таки *все* это знаніе признать также отчасти *не* прирожденнымъ; этой участи должны бы были подвергнуться и высшія отвлеченія, которыя Декартъ всегда противопоставляетъ другимъ понятіямъ, какъ врожденныя неврожденнымъ, т. е. понятія протяженія, матеріи, вещи и т. д.; въ концѣ концовъ пришлось бы отказаться отъ врожденности *содержанія* идей и ограничиться прирожденностью *формъ* разсудочной дѣятельности.

Такимъ образомъ, мы нашли въ Декартовомъ ученіи одну сторону, въ которой ему не достаетъ ясной и опредѣленной границы. Но есть въ ученіи Декарта сторона еще болѣе слабая въ указанномъ отношеніи, это—его взглядъ на идеи чувственнаго познанія. Съ точки зрѣнія Декарта, повидимому, совершенно невозможно говорить о врожденности этихъ идей: врожденное знаніе у него противопоставляется пришлому, а подъ послѣднимъ разумѣется чувственное знаніе; говорить, слѣдовательно, о врожденности чувственныхъ идей значить допускать *contradictio in adjecto*. Тѣмъ не менѣе, Декартъ въ одномъ мѣстѣ прямо относитъ къ числу врожденныхъ идей идеи боли, звуковъ, цвѣтовъ и пр..., ссылаясь на то, что „отъ внѣшнихъ объектовъ ничего не приходитъ къ нашимъ органамъ чувствъ, кромѣ нѣкоторыхъ тѣлесныхъ движеній“, съ которыми наши идеи не имѣютъ никакого сходства и что, слѣдовательно, онѣ имѣютъ своимъ источникомъ врожденную нашей душѣ способность. для которой „тѣлесныя движенія служатъ лишь поводомъ образовать извѣстную идею теперь, а не въ иное время ¹⁾“.—

¹⁾ См. примѣчанія къ программѣ, изданной въ Бельгій въ 1647 г., Orega, 159.

Эти разсужденія дѣлають честь философской проицательности Декарта, но за то они въ корнѣ подрываютъ его теорію природеннаго знанія, потому что приводятъ философа къ признанію, что „въ нашихъ идеяхъ нѣтъ ничего, что не было бы врождено душѣ, или способности мышленія ¹⁾“. Но признать это значило отказаться отъ своихъ прежнихъ заявленій, по которымъ природенныя идеи суть только *одинъ видъ* знанія, видъ наиболѣе совершенный, высшій и образцовый по своей достовѣрности. Поэтому, намъ думается, нельзя объединять мыслей Декарта, высказанныхъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ, съ тѣми, которыя высказываются въ другихъ мѣстахъ или безъ всякихъ оговорокъ на основаніи одного приведеннаго мѣста заявлять, что, по ученію Декарта, „почти всѣ идеи врождены намъ“, какъ это дѣлаеть, напр., г. Кантеревъ ²⁾. Мы увидимъ потомъ, что Декартъ въ данномъ случаѣ дѣйствительно становится въ противорѣчіе съ самимъ собою и что онъ понимаетъ здѣсь *врожденность* совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ по отношенію лишь къ нѣкоторымъ избраннымъ, такъ сказать, идеямъ.

Впрочемъ, хотя признаніе врожденности идей ощущенія приводитъ къ уничтоженію Декартовой теоріи природенныхъ идей въ томъ видѣ, какъ она была высказана имъ прежде, однако нужно сказать, что къ этому признанію и, слѣдовательно, къ этому уничтоженію своей теоріи Декартъ долженъ былъ придти необходимо, если онъ хотѣлъ быть послѣдовательнымъ. Мы уже видѣли, что Декартъ признавалъ врожденными идеи душевныхъ состояній. Это, съ одной стороны, было послѣдовательно, потому что знаніе нашихъ душевныхъ состояній не дается намъ огнѣмъ и не изобрѣтается нами произвольно, слѣдовательно, по этимъ при-

1) Ibid.

2) Педагогич. Психол. ч. 1, 17. Насколько этотъ психологъ сознавалъ неудобство и неправильность такого отношенія къ ученію Декарта, пока зываетъ подчеркнутое нами слово „почти“. Если на самомъ дѣлѣ г. Кантеревъ былъ увѣренъ, что, „по взгляду Декарта, врожденная идея есть просто способность образовать идею мышленіемъ самимъ изъ себя“ (ibid.), то почему не признать безъ „почти“ прямо всѣ идеи врожденными по ученію Декарта, какъ это дѣлаеть смѣло онъ самъ въ томъ мѣстѣ, на которое ссылается г. Кантеревъ?

знакамъ должно быть прирождено: вѣдь, существуетъ только три рода идей: два изъ нихъ исключаются указанными признаками; остается только одинъ, къ которому могутъ принадлежать идеи душевныхъ состояній, это—классъ прирожденныхъ идей. Но, съ другой стороны, это-то именно отнесеніе идей душевныхъ явленій въ разрядъ прирожденныхъ и породило путаницу, лишивъ Декарта возможности указать предѣлы прирожденного знанія. Вѣдь, всѣ наши идеи, не исключая и такъ называемыхъ у Декарта „пришлыхъ“, могутъ явиться сознанію лишь въ формахъ внутренняго опыта, а идеи этимъ формъ прирождены. Какимъ же образомъ отдѣлить теперь прирожденное отъ неприрожденного? Идея мышленія намъ прирождена, а въ ней прирождена и идея ощущенія ¹⁾. Но тогда почему же отказывать въ прирожденности идеѣ звука, цвѣта и т. д.? Но признавъ прирожденность этихъ идей, на какомъ основаніи мы здѣсь остановимся, а не пойдемъ дальше и не признаемъ прирожденными идеи бѣлаго или краснаго цвѣта, идеи простого шума и музыкальнаго тона, идеи горькаго и сладкаго и т. д. до единичныхъ ощущеній, которымъ также нѣтъ основанія отказывать въ прирожденности, поскольку они суть явленія внутренняго опыта?

Наконецъ, въ ученіи Декарта былъ и еще одинъ пунктъ, который могъ препятствовать ему въ установленіи опредѣленной границы между идеями прирожденными и неприрожденными. Мы уже указывали на то, что, по Декарту, признаки истиннаго знанія должны быть присущи только знанію прирожденному. Признаки ясныхъ и отчетливыхъ и признаки прирожденныхъ идей у Декарта одни и тѣ же, и потому онъ, если желалъ оставаться вѣрнымъ своему основоположенію—считать истиннымъ только ясно и отчетливо познанное, въ концѣ концовъ долженъ былъ бы только прирожденные идеи признавать истинными ²⁾. Дѣйствительно, мы видѣли, что Декартъ признавалъ только три рода идей; одинъ изъ нихъ, обязанный своимъ происхожденіемъ произволу, не можетъ имѣть никакого притязанія на истинность; другой по изслѣдованію оказывается

¹⁾ Ср. Ер. р. 1, 29.

²⁾ Ср. Descartes, Lehre von den angeborenen Ideen., s. 62—63,

неотвѣчающимъ идеалу истиннаго знанія; остается только одинъ родъ идей признать истиннымъ. Но съ другой стороны, Декартъ видѣлъ, что достовѣрность всѣхъ идей, какъ фактовъ созванія, не можетъ подлежать сомнѣнью, и потому онъ, перечисляя познанія ясныя и опредѣленные, указываетъ въ числѣ ихъ идеи боли, цвѣтовъ, запаховъ ¹⁾. Не приходилось ли вслѣдствіе этого Декарту признать названныя идеи врожденными? Правда, тѣ же самыя идеи онъ признавалъ смутными и неопредѣленными, поскольку онѣ хотятъ дать познаніе о внѣшнихъ предметахъ. Но въдѣ *содержаніе*—то идей остается одинаковымъ въ томъ и другомъ случаѣ. Положеніе выходило очень затруднительнымъ, потому что одно и то же содержаніе приходилось признавать то природненнымъ, то неприродненнымъ. Путаница вытекала изъ того, что Декартъ далъ своему высшему принципу достовѣрности неподходящее названіе. Несомнѣнно то, что ясность и раздѣльность у Декарта собственно должны означать непосредственную очевидность. Въ этомъ неудачномъ наименованіи обнаруживается смѣшеніе понятій, далеко не тождественныхъ: ясность и отчетливость могутъ быть присущи какъ идеямъ такъ и сужденіямъ, напротивъ очевидность, которую Декартъ смѣшиваетъ съ ясностью, можетъ принадлежать только познаніямъ, т. е. не *идеямъ*, а ихъ *отношенію*. Декартъ, не отличивъ очевидности отъ ясности, прилагаетъ свой принципъ и къ идеямъ. Отсюда, повторяемъ, и выходитъ путаница, которую нужно распутать слѣдующимъ образомъ. Принципъ очевидности прилагается лишь къ отношеніямъ идей, а такъ какъ однѣ и тѣ же идеи могутъ стоять въ различныхъ отношеніяхъ, то принципъ можетъ быть въ однихъ случаяхъ къ нимъ приложимъ, а въ другихъ неприменимъ. Всѣ наши идеи стоятъ въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ,—къ нашему сознанію, во вторыхъ,—къ объекту; первое ихъ отношеніе настолько же очевидно, насколько очевидно положеніе: „что существуетъ, то не можетъ быть признаваемо несуществующимъ“, потому что отрицать отношеніе нашихъ идей къ

¹⁾ Princ. phil. I, 75. Нужно, впрочемъ, оговориться, что это относится къ тому времени, когда воззрѣнія Декарта на природность идей подѣ влияніемъ полемики измѣнились.

нашему сознанию—то же самое, что говорить: „я не сознаю того, что я сознаю“; напротивъ, отношеніе идей къ объектамъ уже не подпадаетъ подъ принципъ очевидности. Такимъ образомъ, разсматриваемое нами недоумѣніе не могло бы имѣть мѣста, если бы Декартъ провелъ точную границу между *идеями*, которыя суть только элементы знанія, и *познаніями*, которыя суть отношенія идей.

Такимъ образомъ, всякія попытки опредѣлить точныя границы прирожденнаго знанія по теоріи Декарта не только не достигаютъ цѣли, но влекутъ за собою гибельныя послѣдствія для самой теоріи: она обращается въ ничто, потому что не имѣетъ средствъ отстоять различіе между прирожденнымъ и неприрожденнымъ,—различіе, безъ котораго эта теорія теряетъ свой смыслъ и свое право на существованіе. Не въ лучшемъ положеніи дѣло оказывается, если мы обратимся къ вопросу о томъ, что собственно Декартъ разумѣлъ подъ прирожденными идеями, въ какомъ смыслѣ нужно понимать ихъ врожденность? Заявленія самого Декарта на этотъ счетъ такъ сбивчивы, неопредѣленны и даже противорѣчивы, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что для самого Декарта представлялось весьма смутнымъ, въ какомъ собственно смыслѣ идеи намъ прирождены. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что изслѣдователи философіи Декарта доселѣ не могутъ рѣшить въ точности, каково именно было его мнѣніе объ этомъ предметѣ. Мы обратимся прежде всего къ прямымъ заявленіямъ Декарта по этому вопросу. Въ Бельгіи въ 1647 году явилась программа, направленная противъ Декарта подъ заглавіемъ: *Explicatio mentis humanae, sive animae rationalis, ubi explicatur, quid sit et quid esse possit*. XII — XIV. пункты этой программы говорятъ о врожденныхъ идеяхъ. „XII. Умъ не нуждается въ прирожденныхъ идеяхъ, понятіяхъ или аксіомахъ; но для выполненія его дѣйствій ему достаточно одной только своей способности мышленія. XIII. Такъ что всѣ общія понятія, начертанныя въ умѣ, происходятъ изъ наблюденія или изъ обученія. XIV. Самая идея Бога, насажденная въ нашемъ умѣ, происходитъ или изъ божественнаго откровенія, или изъ преданія, или изъ наблюденія вещей“. Въ отвѣтъ на эти пункты Декартъ пишетъ, что выражаемое въ нихъ воззрѣніе отличается отъ его уче-

нія только въ словахъ: „ибо я никогда не писалъ и не признавалъ, что душа нуждается въ природенныхъ идеяхъ, какъ въ чемъ-либо отличномъ отъ ея способности мышленія. Но когда я обращалъ вниманіе на то, что во мнѣ есть нѣкоторыя знанія, которыя не произошли ни отъ внѣшнихъ объектовъ, ни отъ рѣшенія моей воли, но отъ одной только находящейся во мнѣ способности мышленія, то для того, чтобы отличить идеи или понятія, которыя составляютъ формы этихъ знаній, отъ другихъ пришлыхъ или выдуманныхъ, назвалъ ихъ врожденными, — въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ, что благородство прирождено нѣкоторымъ фамиліямъ, другимъ же болѣзни, какъ падагра или каменная болѣзнь, не потому, конечно, что дѣти этихъ фамилій страдаютъ названными болѣзнями во чревѣ матери, а потому, что они рождаются съ расположеніемъ или способностью (*cum quodam dispositione sive facultate*) къ заболѣванію этими болѣзнями... Что способность мышленія ничего не можетъ производить сама чрезъ себя (*per se*), и никогда ничего не воспринимаетъ и не мыслить кромѣ того, что получаетъ изъ наблюденія вещей или изъ обученія, т. е. отъ чувствъ,—это до такой степени ложно, что совсѣмъ наоборотъ—всякій, кто правильно размыслить о томъ, до какихъ предѣловъ простираются наши чувства и что именно можетъ перейти отъ нихъ къ нашей способности мышленія, долженъ признать, что ни одна изъ нашихъ идей о вещахъ, которыя (идеи) мы образуемъ мышленіемъ, не передана намъ отъ нихъ; такъ что въ нашихъ идеяхъ нѣтъ ничего, что не было бы врождено уму или способности мышленія, за исключеніемъ только тѣхъ обстоятельствъ, которыя относятся къ опыту, т. е. когда мы полагаемъ, что тѣ или другія идеи, которыя мы имѣемъ въ нашей мысли, относятся къ вещамъ, ѣвнѣ насъ находящимся,—не потому, что эти вещи внушили нашему уму чрезъ органы чувствъ самыя идеи, а потому, что онѣ внушили нѣчто, что дало ему поводъ къ ихъ образованію чрезъ врожденную ему способность, въ это именно, а не въ другое время. Ибо ничто не приходитъ въ нашъ умъ чрезъ органы чувствъ отъ внѣшнихъ объектовъ, кромѣ нѣкоторыхъ тѣлесныхъ движеній, но ни самыя движенія, ни фигуры, изъ нихъ происшедшія, не воспринимаются нами

такими, каковы онѣ въ органахъ чувствъ; отсюда слѣдуетъ, что самыя идеи движеній и фигуръ врождены намъ; тѣмъ болѣе должны быть врождены намъ идеи боли, цвѣтовъ, звуковъ и подобнаго, такъ что умъ нашъ можетъ представить ихъ себѣ по случаю нѣкоторыхъ тѣлесныхъ движеній; ибо они не имѣютъ никакого сходства съ тѣлесными движеніями. Что же можно выдумать нелѣпѣе того, что всѣ общія понятія, находящіяся въ нашемъ умѣ, происходятъ изъ тѣхъ движеній и безъ нихъ не могутъ существовать? Я желалъ бы, чтобы мнѣ показали такое тѣлесное движеніе, которое могло бы въ нашемъ умѣ образовать какое-нибудь общее понятіе, напримѣръ: двѣ вещи тождественныя одной и той же третьей, тождественны между собою, или какое-либо другое: всѣ эти движенія суть частныя, а тѣ понятія всеобщія, не имѣющія никакого сопрокосновенія или отношенія съ тѣми движеніями. Наблюденіе, если оно происходитъ чрезъ зрѣніе, ничего не представляетъ уму само по себѣ кромѣ красокъ, ..., если чрезъ слухъ, —ничего кромѣ словъ и звуковъ... Такъ что все, что мы мыслимъ кромѣ красокъ и звуковъ, даже значеніе послѣднихъ представляется намъ чрезъ идеи, приходящія къ намъ не иначе, какъ отъ нашей способности мышленія и слѣдовательно вмѣстѣ съ нею намъ врожденныя, т. е. въ возможности существующія въ ней всегда; ибо существовать въ какой-либо способности не значить быть въ дѣйствительности, а только въ возможности, потому что самое слово способность означаетъ не что иное, какъ возможность ¹⁾“. Поэтому Декартъ, по его собственнымъ словамъ, не могъ удержаться отъ смѣха, если видѣлъ, когда съ цѣлю его опровергнуть старательно собирались цѣлыя кучи основаній для доказательства того, что дѣти не обладаютъ дѣйствительнымъ познаніемъ о Богѣ, когда они находятся во чревѣ матери ²⁾. —Правду ли говоритъ Декартъ, что онъ никогда не былъ иного мнѣнія по разсматриваемому вопросу? дѣйствительно ли онъ всегда думалъ, что идеи прѣрождены намъ въ потенціальномъ состояніи и именно только какъ способность мышленія? На

¹⁾ Descartes opp 158—160.

²⁾ Epist. P. 1., 99.

эти вопросы отрицательно отвѣчаютъ Льюисъ. „Когда доводы Гассенди и Гоббса, пишетъ онъ, показали Декарту очевидную несостоятельность предположенія, что дитя является въ міръ съ готовымъ запасомъ понятій о предметахъ..., тогда философъ объявилъ, что его ученіе истолковано въ превратномъ смыслѣ. Онъ сталъ утверждать, что никогда не приписывалъ ребенку ничего болѣе врожденной способности приобрѣтать такія идеи при надлежащихъ условіяхъ. Его поклонникамъ и послѣдователямъ не легко было доказать, что таково было дѣйствительно его мнѣніе ¹⁾“. Наоборотъ Фулье въ своей книжкѣ о Декартѣ горячо настаиваетъ на томъ, что Декартъ былъ врагомъ идей въ собственномъ смыслѣ врожденныхъ и что ученіе его всегда было какъ нельзя болѣе далеко отъ этой смѣшной теоріи ²⁾. Попытаемся рѣшить, какое изъ этихъ воззрѣній ближе къ истинѣ.

Объявивъ, что врожденные идеи не отличаются отъ самой способности познанія, Декартъ вслѣдъ затѣмъ уподобляетъ врожденность идей врожденности опредѣленныхъ свойствъ характера и болѣзней. Намъ кажется, что одно не совсѣмъ согласуется съ другимъ, и эта несогласованность находящаяся на одной и той же страницѣ выраженной доказываетъ, что Декартъ не представлялъ себѣ точно, какъ именно врождены намъ идеи. На самомъ дѣлѣ, способность познанія сама по себѣ нѣчто формальное, безразличное (въ извѣстныхъ, конечно, предѣлахъ) къ тому содержанію, которое ей будетъ дано. Поэтому, если нужно было употребить сравненіе съ болѣзнями, то скорѣе нужно было бы способность познанія уподобить отвлеченной возможности заболѣванія вообще, а не раклонности къ опредѣленной болѣзни. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ не отвлеченную способность, а реальный, содержательный зародышъ, который дожидается только благопріятныхъ условій, чтобы ассимилировать себѣ окружающіе элементы, обнаружить, такимъ образомъ, прежде скрытое въ немъ содержаніе и явиться въ видѣ настоящей болѣзни. Этотъ недостатокъ сказался и въ тѣхъ терминахъ, которыми Декартъ хочетъ

¹⁾ Вопросы о жизни и духѣ, стр. 221—222.

²⁾ Альфредъ Фулье. Декартъ. Русск. перев., стр. 160. 164.

характеризовать понятіе врожденности: онъ называетъ ее расположеніемъ или способностью (*dispositione sive facultate*), а немного далѣе добавляетъ, что самое имя способность не означаетъ ничего другого какъ возможность ¹⁾. Нельзя однако согласиться съ тѣмъ, что расположеніе или диспозиція и простая возможность одно и то же, какъ это прекрасно показываетъ приводимый самимъ Декартомъ примѣръ наслѣдственности болѣзней: *возможностъ* заболѣть подагрой есть у всѣхъ, но не всѣ имѣютъ прирожденное *расположеніе* къ ней.

Всѣ эти выраженія Декарта имѣютъ, впрочемъ, то общее, что настаиваютъ на отличіи прирожденныхъ идей отъ готоваго сформированнаго вполне знанія. Но въ своемъ стремленіи зацититъ свое ученіе Декартъ, самъ того не замѣчая, его разрушаетъ, какъ это мы уже выше отмѣтили. Если идеи прирождены намъ только въ видѣ способности или возможности, то есть ли хоть какое-либо средство отличить прирожденное отъ неприрожденнаго? Вѣдь, несомнѣнно, что всѣ идеи предполагаютъ способность или возможность къ ихъ образованію, присущую нашей душѣ. Отсюда выводъ долженъ быть тотъ, что всѣ идеи намъ прирождены. Этотъ выводъ Декартъ дѣйствительно и дѣлаетъ, когда здѣсь же начинаетъ разсуждать о томъ, что даже идеи ощущеній намъ прирождены, и что въ нашихъ идеяхъ нѣтъ ничего, что не было бы прирождено душѣ или способности мышленія ²⁾. Но спрашивается, почему Декартъ не потрудился здѣсь разрѣшить того противорѣчія, въ которое онъ становится съ самимъ собою вслѣдствіе такого заявленія? Если всѣ идеи прирождены, то о какихъ еще *пришлыхъ* идеяхъ можетъ быть рѣчь? Или, можетъ быть, Декартъ уже теперь отказался отъ своего противоположенія идей *пришлыхъ* и прирожденныхъ? Совѣмъ нѣтъ, потому что онъ здѣсь же его снова повторяетъ. Насколько Декартъ не былъ склоненъ прежде признавать *всѣ* идеи прирожденными, объ этомъ свидѣтельствуетъ уже та видимая осторожность, съ какою онъ перечисляетъ прирожденные идеи въ своихъ *Meditationes*: всюду онъ указываетъ въ этомъ случаѣ лишь

¹⁾ Примѣч. къ XV пункту программы.

²⁾ Opera I. 9.

на самыя высшія обобщенія, какъ: субстанція, мышленіе, истина и т. п. Очевидно, что его пришлыя идеи введены были не ради одной полноты раздѣленія, а что подъ ними наоборотъ дѣйствительно разумѣлась бѣльшая часть идей.— Легко видѣть также, что, признавъ, вопреки своему прежнему ученію, всѣ идеи прирожденными, Декартъ въ сущности не отвѣтилъ на возраженіе, которое ему сдѣлали, а только обошелъ его. Декарту возражали, что признаніе врожденныхъ идей излишне, потому что идеи, которымъ онъ приписываетъ врожденность, могли возникнуть изъ наблюденія. Декартъ на это отвѣчаетъ: но вѣдь само наблюденіе намъ врождено, значитъ и идеи врождены. Пусть такъ, но сущность вопроса остается не затронутой. Вопросъ не въ томъ, врождено или не врождено само наблюденіе, а въ томъ, можно ли изъ него объяснить *всѣ* идеи, или нѣкоторыя изъ нихъ нуждаются въ какомъ-либо еще источникѣ?— Съ точки зрѣнія первоначальной теоріи Декарта нужно было признать недостаточность наблюденія для объясненія нѣкоторыхъ идей. Декартъ этого не замѣтилъ и утверждаетъ, что его ученіе лишь въ словахъ отличается отъ возраженій его противниковъ.

Выходъ изъ затрудненія для Декарта здѣсь былъ возможенъ только одинъ: ему нужно было сдѣлать различіе между прирожденностью въ собственномъ смыслѣ и прирожденностью въ особенномъ смыслѣ: въ первомъ смыслѣ всѣ идеи намъ прирождены, во второмъ лишь немногія; такое воззрѣніе вполне согласовалось бы съ заявленіемъ Декарта въ другомъ мѣстѣ, что прирожденныхъ идей немного. Но Декартъ на самомъ дѣлѣ этого не дѣлаетъ; давъ разъясненія, въ корнѣ ниспровергающія его теорію, онъ при этомъ предусмотрительно замѣчаетъ, что никогда иначе не думалъ, причемъ на усмотрѣніе самого читателя предоставляется рѣшеніе вопроса, какъ примирить эти взаимно исключаящія другъ друга разъясненія и заявленія. Впослѣдствіи лишь Лейбницъ ясно формулировалъ отвѣтъ, указывавшій выходъ изъ представленнаго сейчасъ положенія. Въ строгомъ или метафизическомъ смыслѣ, говоритъ Лейбницъ, всѣ идеи намъ прирождены, потому что всякая монада, а слѣдовательно и душа лишь изъ себя развиваетъ свое внутреннее содержаніе и ничего не получаетъ отъ внѣ. Но эту точку

зрѣнія метафизическую Лейбницъ противопоставляетъ обыденной или практической, становясь на которую можно различать познанія прирожденныя и происшедшія отъ внѣ, подобно тому какъ люди, признающіе систему Коперника, все-таки говорятъ, что солнце восходитъ и заходитъ ¹⁾. Хотя ученіе о замкнутости монадъ и полной ихъ недоступности внѣшнимъ впечатлѣніямъ и не было свойственно Декарту, однако и онъ могъ бы признать такое различеніе, потому что и по его ученію душа развиваетъ свое содержаніе изъ себя, хотя и по поводу внѣшнихъ впечатлѣній.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно одно, что разсматриваемое мѣсто у Декарта ставитъ его дѣйствительно въ противорѣчіе съ его раннѣйшимъ ученіемъ, отъ котораго онъ однако не отказывается. До сихъ поръ, слѣдовательно, мы должны признать справедливымъ тотъ упрекъ, который дѣлаетъ Декарту Льюисъ: возраженія противниковъ дѣйствительно привели Декарта къ болѣе глубокому воззрѣнію на дѣло, чѣмъ какое онъ имѣлъ раньше, и поставили его въ противорѣчіе съ самимъ собой. Легко видѣть, что это то самое противорѣчіе, о которомъ мы уже говорили раньше. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ слабымъ пунктомъ теоріи, который даетъ себя знать всякій разъ, съ какой бы стороны мы къ ней ни приступили съ попыткой установить ея точный смыслъ. Но мы еще разъ забудемъ объ этомъ пунктѣ. Предположимъ, что противорѣчіе устранено тѣмъ способомъ, котораго мы только что указали: теорія прирожденныхъ идей имѣетъ въ виду лишь тѣ изъ нихъ, которыя заслуживаютъ такого названія по преимуществу. Въ такомъ случаѣ, правъ ли Льюисъ въ томъ, что Декартъ раньше понималъ ихъ въ видѣ готовыхъ понятій, или, наоборотъ, правъ Декартъ, утверждая, что онъ никогда не отличалъ ихъ отъ самой способности мышленія?

Выраженіе, что прирожденные идеи не суть что-либо отличное отъ способности познанія, во всякомъ случаѣ не соотвѣтствуетъ смыслу Декартова ученія объ идеяхъ, какъ онъ его развивалъ ранѣе. Сама по себѣ *способность познанія* есть нѣчто формальное, совершенно безсодержатель-

¹⁾ Труд. Моск. Псих. Общ., вып. IV, стр. 91—64. ср. Nouveaux essais. liv. 1, cl. § 1.

ное, оперирующее надъ матеріаломъ, даннымъ отвнѣ. Если Декартъ именно такъ понималъ способность познанія въ указанномъ случаѣ, то онъ въ весьма значительной мѣрѣ заслужилъ упрекъ, сдѣланный ему Льюисомъ. Только одинъ родъ идей, признаваемыхъ Декартомъ прирожденными, подойдетъ тогда подъ опредѣленіе прирожденности, это—формальные принципы познанія: на эти истины не иначе смотритъ Декартъ и въ другихъ сочиненіяхъ; онъ называетъ ихъ истинами естественнаго свѣта, а этотъ послѣдній опредѣляетъ въ одномъ мѣстѣ прямо, какъ способность познанія ¹⁾. Они подходятъ подъ указанное опредѣленіе потому, что дѣйствительно безсодержательны сами по собѣ. Но нельзя того же сказать о другихъ прирожденныхъ идеяхъ: онѣ, по Декарту, имѣютъ опредѣленное предметное содержаніе. Откуда берется это содержаніе? Оно не можетъ быть дано, по Декарту, чувственнымъ опытомъ, даже прямо противопологаются ему, какъ мы видимъ это въ примѣрѣ о воскѣ. А что не дано внѣшнимъ опытомъ, то, какъ мы знаемъ по Декарту, должно быть прирождено. Стало быть, мы должны признать, что идеи прирождены намъ не только съ формальной сторнны, какъ способность къ ихъ образованію, но и съ матеріальной, по самому содержанію. Это видно и изъ другихъ мѣстъ. Такъ въ разсужденіи о методѣ Декартъ въ одномъ мѣстѣ опровергаетъ ходячее сенсуалистическое положеніе своего времени: *нѣтъ ничего въ умѣ, чего не было бы напередъ въ чувствахъ*. Вопреки этому положенію Декартъ утверждаетъ, что въ умѣ есть свое *содержаніе*, независимое отъ чувствъ—прирожденные идеи ²⁾. Прирожденное знаніе, по Декарту, тѣмъ и отличается отъ чувственнаго, что черпаетъ свой матеріалъ, такъ сказать, изнутри, тогда какъ второе получаетъ его отвнѣ.

Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, Льюисъ правъ и тогда, когда утверждаетъ, что Декартъ сначала представлялъ себѣ идеи въ видѣ готовыхъ понятій? Мы увидимъ потомъ, что и здѣсь упрекъ Льюиса по крайней мѣрѣ весьма близокъ къ истинѣ. Но сила этого упрека въ значительной мѣрѣ ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что Декартъ и на этотъ

1) Princ. phil. P. I, 30.

2) Opp. Dissertatio de Methodo IV, p. 20.

разъ нѣсомнѣнно не имѣлъ воззрѣнія на дѣло вполне яснаго и опредѣленнаго. Идеи намъ прирождены не только съ формальной стороны, а и по содержанію, но это содержаніе Декартъ неоднократно пытался свести къ внутреннему опыту. Несомнѣнно то, что Декартъ не сознавалъ ясно различія между прирожденностью и происхожденіемъ изъ внутренняго опыта. Это обстоятельство и привело Декарта къ тому противорѣчію, которое мы всюду у него открываемъ и которое особенно ясно выразилось въ только что разсмотрѣнномъ мѣстѣ: между внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ нѣтъ противоположности, и то, что мы называемъ опытомъ внѣшнимъ, ближайшимъ образомъ есть лишь одна изъ формъ внутренняго опыта. Итакъ, сведеніе прирожденныхъ идей къ внутреннему опыту въ концѣ концовъ приводило съ необходимостью къ признанію прирожденности всѣхъ идей, т. е. къ разрушенію самой теоріи прирожденности. Вмѣстѣ съ тѣмъ указанное смѣшеніе понятій—внутренняго опыта и прирожденности въ ученіи Декарта совершенно естественно. Намъ прирождена прежде всего идея „я“, какъ мыслящей субстанціи. Но мыслить значитъ, по Декарту, сознавать себя, какъ познающаго, ощущающаго и т. д., значитъ въ идеѣ мышленія заключаются уже идеи сужденія, сомнѣнія желанія и т. д. ¹⁾ Актъ мышленія и актъ воспріятія чего-либо сознаниемъ Декартъ не различаетъ. Имѣя въ виду эту своеобразность терминологіи, можно до нѣкоторой степени признать Декарта правымъ, когда онъ говоритъ, что никогда не признавалъ во врожденныхъ идеяхъ чего-либо, отличнаго отъ самой способности мышленія, и онъ былъ бы совсѣмъ правъ, если бы на мѣсто слишкомъ рѣшительнаго *никогда*, поставилъ *иногда*. Понятія внутренняго опыта, яснаго сознанія и мышленія, по Декарту, должны совпадать и говорить о прирожденности мышленія значитъ говорить о прирожденности внутренняго опыта. Не различая ясно сознанія отъ мышленія и прирожденности отъ внутренняго опыта, Декартъ не только относитъ идеи психическихъ состояній къ числу прирожденныхъ, но въ одномъ мѣстѣ предпринимаетъ попытку вывести всѣ свои прирожденные идеи изъ внутренняго опыта.

¹⁾ Ср. Opera, мед. p. 74; Princ. philos. 1. 9.

„Изъ того, что есть яснаго и отчетливаго въ идеяхъ тѣлесныхъ вещей, кое-что, повидимому, могло быть заимствовано изъ идеи меня самого, какъ напр., субстанція, продолжительность, число и другое въ этомъ родѣ. Ибо, если я мыслю, что камень есть субстанція или вещь, способная существовать сама по себѣ, и также, что я есмь субстанція,—то, хотя, конечно, при этомъ я принимаю себя, какъ мыслящее существо, а камень, какъ вещь протяженную и немыслящую, и отсюда между обоими понятіями большая разница, однако въ отношеніи къ субстанціи оба они совпадаютъ. Также, когда я воспринимаю (*percipio*), что я существую теперь и вспоминаю, что и прежде нѣкоторое время существовалъ, а также, когда я имѣю различныя мысли, число которыхъ я сознаю, то я приобретаю идеи продолжительности и числа, которыя потомъ могу переносить на какіе—угодно предметы. Все же прочее, изъ чего состоятъ идеи тѣлесныхъ вещей,—именно, протяженіе, фигура, положеніе и движеніе, хотя и не содержатся во мнѣ формально, такъ-какъ я лишь нѣчто мыслящее, но такъ-какъ они суть только нѣкоторые модусы субстанціи, я же субстанція, то, повидимому, они могутъ содержаться во мнѣ въ высшей степени (*eminenter*)“.¹⁾ Склонность объяснять природенныя идеи изъ внутренняго опыта обнаруживается также въ томъ мѣстѣ, гдѣ Декартъ говоритъ о томъ, какъ понимать природенность идеи Божества. Нѣтъ нужды, говорить онъ, разсматривать идею Божества, какъ что - то отличное отъ самой нашей души, „но изъ одного того, что Богъ меня создалъ, весьма вѣроятно, что я созданъ по образу и подобію Его, и что это подобіе, въ которомъ содержится идея Бога, воспринимается мною посредствомъ той же способности, посредствомъ которой я воспринимаю себя самого, т. е. обращая душевный взоръ на себя самого, я не только вижу, что я существо несовершенное и зависящее отъ другого,—существо, стремящееся безъ конца все къ большому и большому, или къ лучшему, но въ то же время вижу также и то, что Тотъ, отъ Котораго я въ зависимости, то большее все имѣетъ въ Себѣ не непре-

¹⁾ Мед. 3, p. 18.

дѣленно и потенциально, но на самомъ дѣлѣ бесконечно, и, слѣдовательно, есть Богъ“¹⁾).

Итакъ, можетъ быть, мы совершенно напрасно отыскиваемъ противорѣчія въ ученіи Декарта? можетъ быть оно имѣетъ очень ясный и опредѣленный смыслъ? Мышленіе у Декарта совпадетъ съ внутреннимъ опытомъ или самонаблюденіемъ, и прирожденныя идеи выводятся изъ послѣдняго. Значить можно сказать, что онѣ прирождены вмѣстѣ съ способностью мышленія; а такъ какъ внутренний опытъ прирожденъ намъ не въ готовомъ видѣ, а потенциально, то значить и идеи прирождены лишь потенциально. Такое представленіе конечно соблазнительно по своей опредѣленности. Но оно не будетъ соответствовать дѣйствительному положенію дѣла. Хотя Декартъ смѣшивалъ понятіе прирожденности съ понятіемъ внутренняго опыта, однако онъ въ то же время смутно предчувствовалъ и ихъ различіе. Вотъ почему на ряду съ склонностью выводить прирожденныя идеи изъ внутренняго опыта у него стоитъ совсѣмъ другое воззрѣніе на способъ ихъ существованія въ душѣ. Если мы обратимся къ приведенной выше попыткѣ вывести прирожденныя идеи изъ внутренняго наблюденія, то нельзя не замѣтить, что эта попытка отличается крайнею нерѣшительностью. Во-первыхъ, Декартъ хочетъ объяснить лишь *ко-что*, а не всѣ прирожденныя идеи. Во вторыхъ, два раза употребляетъ слово *повидимому* и, по крайней мѣрѣ во второй разъ, совершенно умѣстно, потому что схоластичность его разсужденій въ этомъ мѣстѣ не могла не обратиться на себя его собственнаго вниманія. Но и помимо того, что идеи протяженія, формы, движенія, геометрическихъ фигуръ и т. п. не выводимы изъ внутренняго опыта, какъ это чувствовалъ самъ Декартъ, онъ весьма часто аргументируетъ свои доводы такимъ образомъ, что въ основаніи ихъ мы должны признать совсѣмъ другое понятіе о прирожденности, чѣмъ независимость только отъ внѣшняго опыта и происхожденіе изъ опыта внутренняго: онъ характеризуетъ свои прирожденные идеи такими признаками, которые невыводимы какъ изъ перваго, такъ и изъ втораго. Сюда нужно отнести ихъ недоступность воображенію: во-

¹⁾ Med. III. p. 21.

ображеніе по Декарту—органъ чувственнаго, пришлаго знанія, между тѣмъ прирожденные идеи *созерцаются* разумомъ или мыслию безъ всякаго посредства воображенія ¹⁾). Но въдѣто, что принадлежитъ къ внутреннему опыту, можетъ быть представлено или воображено такъ же хорошо, какъ и то, что происходитъ изъ внѣшняго опыта. Стало быть, понятіе прирожденности и понятіе внутренняго опыта вовсе не совпадаютъ, какъ это оказывалось раньше. Какъ у Декарта сталкивались между собою два воззрѣнія на способъ существованія прирожденныхъ идей, можно видѣть уже изъ того мѣста его замѣчаній на программу, которое мы сейчасъ разсматриваемъ. Съ одной стороны Декартъ утверждаетъ здѣсь, что *въ нашихъ идеяхъ нѣтъ ничего, что бы не было прирождено уму*. И это было совершенно послѣдовательно, если принимать врожденность въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ ее здѣсь Декартъ, т. е. если называть прирожденнымъ то, что дается отъ внѣшнихъ предметовъ, а развивается изъ самой души лишь по поводу дѣйствія внѣшнихъ предметовъ: въ этомъ смыслѣ несомнѣнно все содержаніе психической жизни намъ прирождено. Въ такомъ случаѣ уже нѣтъ возможности противопоставлять мысленное созерцаніе и образное представленіе, потому что содержаніе нашихъ представленій также имѣетъ психологическую природу и значитъ по указанной терминологіи намъ прирождено. Но съ другой стороны мы видимъ въ этомъ же самомъ мѣстѣ колебаніе въ пользу другого воззрѣнія, по которому все, воспринимаемое въ образахъ, противопоставляется врожденному. Невозможность выразить извѣстное понятіе въ образѣ представленія обуславливается конечно общимъ характеромъ понятій, и самъ Декартъ дѣйствительно указывалъ раньше на эту общность, какъ на признакъ прирожденныхъ идей. И въ этомъ мыслѣ Декартъ, высказавшись сначала въ пользу прирожденности всего психическаго содержанія, однако опять ссылается на то, что прирожденнымъ идеямъ присущъ признакъ общности. „Что же можно выдумать нелѣпнѣе того, что всѣ общія понятія, находящіяся въ нашемъ умѣ, происходятъ изъ тѣхъ (внѣшнихъ) движеній и безъ нихъ не могутъ существовать“?—Это конечно основательно.

¹⁾ Med. VI, 32 p., ср. Med. II, p. 11

но спрашивается, причѣмъ въ данномъ случаѣ *общность* понятій, когда по смыслу всей предшествующей аргументаціи въ душѣ не можетъ быть ничего—ни общаго, ни частнаго,—что приходило бы въ нее отвнѣ. Такую же нерѣшительность можно отмѣтить и далѣе. „Все что мы мыслимъ *кромѣ красокъ и звуковъ, даже значеніе послѣднихъ*, представляется намъ чрезъ идеи, приходящія къ намъ не иначе, какъ отъ нашей способности мышленія и слѣдовательно вмѣстѣ съ нею намъ врожденныя“. Здѣсь замѣтна тенденція исключить ощущенія изъ области прирожденнаго, хотя это стоитъ въ прямомъ противорѣчій со всею аргументаціей Декарта, такъ какъ и ощущенія, какъ явленія психическія, не могутъ приходиться отвнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Декартъ говоритъ, что *ихъ значеніе* также указывается прирожденными идеями. Трудно конечно представить, какъ это отдѣлится значеніе ощущеній отъ ихъ содержанія. Но по видимому Декартъ представляетъ дѣло такъ, что значеніе каждаго отдѣльнаго ощущенія мы можемъ понять лишь потому, что у насъ напередъ существуетъ общая идея этого класса ощущеній: напр., чтобы понять значеніе ощущенія краснаго цвѣта, мы должны напередъ имѣть идею краснаго вообще. Если это такъ, то Декартъ подходит очень близко къ Платоновскому воззрѣнію, какъ онъ совпадаетъ съ нимъ и въ томъ, что противопоставляетъ прирожденные идеи образамъ воображенія, потому что и по Платону образный характеръ или представляемость есть лишь свойство низшаго, чувственнаго знанія.

Итакъ, мы нашли, что наряду съ стремленіемъ сводить свои прирожденные идеи къ внутреннему опыту, Декартъ склоненъ былъ ихъ представлять въ видѣ общихъ понятій. Спрашивается теперь, какъ онъ мыслить эти общія понятія—потенціальными или сформировавшимися? Мы думаемъ, что Декартъ на этотъ счетъ никогда не имѣлъ совершенно опредѣленнаго воззрѣнія. Это обстоятельство и служитъ извиненіемъ того не совсѣмъ правильнаго, но очень рѣшительнаго заявленія его, что онъ *никогда* не представлялъ себѣ прирожденныхъ идей иначе какъ въ видѣ потенцій т. е. простой способности къ образованію ихъ. На самомъ дѣлѣ, не смотря на отсутствіе совершенно точныхъ опредѣленій этого предмета у Декарта, онъ несомнѣнно обнаруживаетъ

наклонность понимать идеи въ Платоновскомъ же смыслѣ, какъ готовыя понятія, хранящіяся въ душѣ въ такомъ же видѣ, какъ образы воспоминанія. Два мѣста изъ *Meditationes*, уже приводившіяся нами раньше, покажутъ намъ, до какой степени въ этомъ случаѣ Декартъ стоитъ близко къ Платону. Стараясь выяснитъ различіе между чистымъ мышленіемъ и мышленіемъ посредствомъ образовъ, или воображеніемъ, Декартъ говоритъ: „эта находящаяся во мнѣ сила воображенія, въ отличіе отъ силы познанія, не принадлежитъ къ моей сущности, т. е. къ сущности моей души, ибо если бы ея даже не было, я безъ сомнѣнія остался бы тѣмъ же самымъ, что и теперь. Отсюда видимо слѣдуетъ, что она зависитъ отъ нѣкоторой другой, отличной отъ меня вещи. Итакъ, я отличаю этотъ родъ мышленія отъ чистаго познанія только тѣмъ, что душа при познаніи обращается нѣкоторымъ образомъ къ самой себѣ и *созерцаетъ какую-нибудь изъ присущихъ ей идей*; если же мыслить образами, то обращается къ тѣлу и усматриваетъ въ немъ нѣчто, соотвѣтствующее познанной ей изъ себя или воспринятой чрезъ чувства идеѣ ¹⁾“. Яснѣе не нужно свидѣтельства, что прирожденные идеи — вовсе не самая способность познанія, а *объектъ* его, находящійся въ нѣдрахъ человѣческаго духа, хотя, можетъ быть, и данный нераздѣльно со способностью познанія. Еще важнѣе для насъ слѣдующее мѣсто. „При надлежащемъ вниманіи, говоритъ Декартъ, я воспринимаю въ себѣ безчисленныя частныя познанія о фигурахъ, числѣ, движеніи и подобномъ, истина которыхъ до того очевидна и соотвѣтствуетъ моей природѣ, что *когда я ихъ впервые открываю*, то, повидимому, не столько научаюсь чему-нибудь новому, сколько *вспоминаю то, что я уже прежде зналъ*, или впервые замѣчаю то, что уже давно во мнѣ было, хотя я прежде и не обращалъ на него умственнаго взора ²⁾“. Отсюда съ несомнѣнностью видно, что Декарту способъ существованія прирожденныхъ идей до того времени, когда онѣ дѣлаются дѣйствительными познаніями, представлялся сходнымъ со способомъ существованія забытыхъ нами на время,

1) *Med.* VI, 32.

2) *Med.* V, p. 27.

но при удобномъ случаѣ всплывающихъ на поверхность со-знанія, образовъ воспоминанія.

Итакъ, Декартова теорія врожденныхъ идей не отличается опредѣленностью: мы не находимъ въ ней ни точнаго указа-нія на границы прирожденнаго знанія, ни точнаго опре-дѣленія того смысла, въ какомъ нужно понимать самую прирожденность. Въ первомъ случаѣ Декартъ, начавъ съ призванія врожденности лишь нѣкоторыхъ высшихъ поня-тій, кончаетъ тѣмъ, что объявляетъ всѣ идеи прирожден-ными; во второмъ онъ колеблется между сведеніемъ при-рожденныхъ идей къ внутреннему опыту и возрѣніемъ на нихъ, какъ на общія понятія, хранящіяся въ душѣ въ та-комъ же видѣ, какъ приобрѣтенныя ранѣе и потомъ забы-тыя познанія. Такая шаткость теоріи зависѣла отъ того, что Декарту не доставало точнаго понятія объ опытѣ, какъ совокупности наблюденій, будутъ ли послѣднія касаться внѣшнихъ явленій или внутреннихъ — все равно. Не вы-работавъ точнаго понятія объ опытѣ, Декартъ не могъ также составить точнаго понятія и о прирожденномъ, какъ противоположности опытнаго, и вслѣдствіе этого смѣшивалъ прирожденность съ происхожденіемъ изъ внутренняго опыта: врожденные идеи противопологаются у Декарта не опыт-нымъ вообще, а пришлымъ, т. е. пришедшимъ отъ внѣш-нихъ вещей. Но такъ какъ болѣе глубокой взглядъ на дѣло показалъ Декарту, что *отъ внѣшнихъ вещей ничего не приходитъ въ нашу душу*, то онъ и долженъ былъ при-знать, что всѣ идеи намъ прирождены, т. е. долженъ былъ отказаться отъ своей теоріи, потому что сущность ея за-ключалась въ противоположеніи двухъ разнородныхъ видовъ знанія.

Н. Городенскій.
